

К. Ф. ШРЕДЕР

БУХТА МАГНОЛИЯ

♦
ЛЮБОВЬ, ГОРЬКАЯ И СЛАДКАЯ

К. Ф. Шредер
Бухта Магнолия. Любовь,
горькая и сладкая
Серия «Бухта Магнолия», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73073148
Бухта Магнолия. Любовь, горькая и сладкая: СПб; 2026
ISBN 978-5-389-31642-3

Аннотация

Заклучив союз с преступным синдикатом «Горящая лилия», клан Скарабеев стал сильнее и опаснее, его тень нависла над всей Бухтой Магнолия. В отчаянной попытке остановить захватчиков Кари решается на рискованный шаг – отправляется на смертельно опасную территорию, чтобы просить помощи у бывшего союзника скарабеев, клана Когтей. Но внешняя борьба – лишь отражение бури, бушующей в ее душе. Таинственный туман стер из сознания Кари образ самого важного для нее человека. Того, чье отсутствие оставляет в сердце незаживающую рану, ощущение пустоты, которое не заглушить даже грохотом битвы. Эта призрачная любовь становится для нее маяком и проклятием одновременно. Чтобы вывести любимого к свету, ей придется довериться тьме...

«Любовь, горькая и сладкая» – вторая, заключительная часть дебютной фэнтези-дилогии «Бухта Магнолия» австрийской писательницы К. Ф. Шредер.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Пролог	9
1	15
2	26
3	39
4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	68

К. Ф. Шредер
Бухта Магнолия. Любовь,
горькая и сладкая

Посвящается Элиасу и Луизе

C. F. Schreder

MAGNOLIA BAY:

LOVE SO BITTER AND SWEET

Copyright © 2024 by Loomlight in Thienemann-Esslinger
Verlag GmbH, Stuttgart

Text by C. F. Schreder

Cover by Giessel Design, using photos from
Shutterstock.com:

Apostrophe/ ilonitta/ DJOE n REIZ/ xiaobaiv/ ANN_UDOD/
Marina AFONSHINA/ CHAKRart/ANN_UDOD

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Plus+

Иллюстрации Алексея Жижицы, Анастасии Магерамовой, Алисы Халимовой, Дианы Бигаевой.

© Т. А. Набатникова, перевод, 2025

© Д. Ю. Бигаева, иллюстрации, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Азбука®

ПАЛАЙЯ

БУХТА МАГНОЛИЯ

РЕЗИДЕНЦИЯ
КЛАНА
ОПАЛОВ

КВАРТАЛ
КЛАНА
КОГТЕЙ

дворец Кошек

КВАРТАЛ
КЛАНА
СКАРАБЕЕВ

бар «Люминер»

вилла Немеа

ОСТРОВ
ЦИТРИН

НЕФРИТОВЫЙ
РЫНОК

променада
«Магнолия»

ПЕНИНСУЛА

дом
бабушки
Люсьена

Старый
храм

Соль-вейв

квартира
Наэля

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
РАЙОН

резиденция
«Игла»

РАЙОН
РЕЙТОН

храм
Магнолия

РАЙОН
АЛЬМАЦЕН

Жемчужная
полоса

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ
ГОРОДОК

СЕРЕБРЯНЫЙ
РАЙОН

дом родителей
Кари

город Крепостная
Стена

БУХТА
ФЛОРИНГТОН

больница
Бухты

РАЙОН
ЧЕТЫРЕ
ВЯЗА

ОСТРОВ

Пролог

Чичико

30 лет тому назад

В день свадьбы в рассветных сумерках звезды исполнили в честь новобрачной песню о богинях и воинах, об оке бога в центре мира и прекрасном будущем, которое теперь зависело только от Чичико.

Мелодия старше, чем сама жизнь, смешивалась со звуками весеннего пробуждения природы.

Звезды пели для Чичико с тех пор, как она себя помнила. Их шепот будил девочку по утрам, когда чернота ночи сменялась малиновым светом зари, и сопровождал повсюду. Днем, когда Чичико в одиночестве гуляла в бамбуковой роще близ деревни, звезды рассказывали истории об отдаленных уголках мира, а по ночам убаюкивали, унося в царство снов.

Вот и сегодня шепот звезд не умолкал. На невесте надето пышное платье из серебристой ткани – традиционного цвета палайских свадебных нарядов, – расшитое бесчисленными бриллиантами, сверкающими ярко, как звезды в безлунную ночь.

– Сегодня я почти такая же красивая, как вы, – шептала она небу, со смехом запрокинув голову.

С тех пор как полгода назад красивый чужеземец возник на пороге дома и неожиданно попросил руки Чичико, они с родителями замирали в предвкушении. *Дайширо Немеа*. Чичико твердила имя будущего супруга, пробуя каждую букву на вкус, – никогда она не пресытится этими звуками, ласкающими слух. Глава клана Скарабеев выглядел холемым: одевался дорого и со вкусом, а еще был неизменно галантен и очарователен. У него имелась фамилия. А значит, он принадлежал к одной из старейших семей Палайи, был состоятелен и осыпал Чичико и будущих родственников подарками. Но самое главное: он улыбался Чичико так, что она сразу верила – красивее ее нет девушки на всем белом свете.

– Не волнуйся, моя дорогая, – шепнул Дайширо невесте, когда верховный маг затянул брачное песнопение. – Ты прекраснейшая в мире звезда! А я счастливейший муж!

Сердце Чичико билось так громко, что казалось, могло выпрыгнуть из груди и ускакать прочь. Когда ритуальное пение прекратилось, оно упало в пятки и замерло. Дайширо наклонился, чтобы скрепить их узы поцелуем. Никогда прежде до Чичико не дотрагивался мужчина. Губы соприкоснулись, девушка почувствовала, будто у нее внутри зажглась собственная звезда.

По окончании церемонии Чичико с Дайширо уехали на виллу: по традиции в новом доме новоиспеченная жена сразу

удалилась в супружеские покои ждать мужа. Две служанки помогли ей выбраться из свадебного платья, умастили тело душистыми маслами, обрядили в тонкую шелковую сорочку.

Дальнейшее не было для Чичико сюрпризом. Мать подготовила ее к первой брачной ночи и, как она выразилась, к объединяющему супругов акту. Она предостерегла Чичико от напрасных слез и истерик, даже если той будет больно. Но втайне девушка надеялась, что Дайширо будет нежен и осторожен с неопытной женой. Однако чем дольше она ждала мужа, тем больше нервничала.

Когда дверь в спальню наконец открылась, Чичико вскочила на ноги. Вошел Дайширо. Но он был не один. Двое мужчин в белых одеяниях магов проследовали в комнату и встали рядом с Чичико, прожигая ее взглядом. Она закаменела, прочитав в глазах магов алчность. Внезапно шепот звезд внутри нее обернулся тревожным громким гулом.

– Не бойся, – твердо произнес Дайширо и поднял руку, успокаивая Чичико. – Я никогда не допущу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое.

Чичико хотела что-то возразить, разузнать, что здесь происходит. Что означает присутствие магов в ее комнате? Почему звезды так всполошились? Но голос пропал, горло сковал испуг.

– Я дам тебе все, чего только пожелаешь. Дружбу и любовь, драгоценности и золото, защиту, семью... Скажи только слово – и все, чем я владею, будет твоим. Я брошу к твоим

ногам весь мир! Но прежде прошу, сделай и мне скромный свадебный подарок.

– Ч-что именно? – запнулась Чичико.

Она уже оставила ради Дайширо отчий дом и семью. И теперь покорно стояла перед супругом с опущенной головой, умащенная и одетая в шелка. Она готова была отдать ему тело, душу, жизнь. Разве он этого не знал? Неужели беспресловного повиновения недостаточно? Ее испуганный взгляд метнулся к магам, потом к подолу платья, и она стыдливо обхватила себя руками. А может, он хотел разделить ложе брачной ночи с двумя мужчинами?

– О нет! Не это! – воскликнул Дайширо. Он в два широких шага очутился рядом с молодой женой и обнял ее. – Ты неправильно меня поняла, дорогая! Никогда не стал бы я принуждать тебя к контакту с другими мужчинами. Ведь ты моя законная жена! Твое тело принадлежит мне. Только мне. – Он провел пальцем по ее подбородку, заставляя поднять голову и посмотреть прямо ему в глаза. – Единственное, о чем я умоляю, – маленькая искра магии. Протяни магам руку и закрой глаза. Обещаю, будет совсем не больно. – Он мягко улыбнулся. – Если не хочешь, я прикажу им убраться из комнаты.

А вдруг он лукавит? Чичико хотела довериться мужу, рассказать о своих опасениях и страхах, однако в глубине души знала, что Дайширо Немеа не примет отрицательного ответа. Да и почему она должна отказать ему в первой же просьбе?

Пожертвовать искрой магии – не такая уж непомерная цена за целый мир, который он обещал ей подарить.

Чичико кивнула в знак согласия. Краем глаза она успела заметить, как маги подняли вверх старинные скипетры, в навершии которых искрились кристаллы. Она протянула ладони, ощутила прикосновение чужих мужских рук, давление невидимой тяги, высасывающей тепло из ее сердца. Потрескивание магических кристаллов заглушил рокот звезд – их шепот сперва усилился, а потом стих. Чичико не знала, сколько прошло времени и что с ней произошло. Но когда она открыла глаза, то все еще лежала в супружеской постели, полностью одетая, а за окном всходило солнце. Утренняя заря заливала горизонт, как и много дней до этого, как и вчера. Но звезды больше ничего не шептали.

Чичико распахнула окно.

Ничего.

Она пристально смотрела в небо, пока глаза не начали слезиться.

Ничего.

Она пропела любимый мотив в надежде, что звезды его подхватят и подпоют ей. Она звала, умоляла звезды поговорить с ней.

Ничего.

Звезды были непреклонны, они больше не пели. Ни в то утро, ни в какое другое, хоть пройдут годы.

Раньше мир Чичико был полон музыки и магии.

Теперь он онемел.
Гробовая тишина.

1

Мы не девки Дайширо **Кари**

Горячий запах тигрицы ударил Кари прямо в нос.

Зверь был так близко, что она разглядела, как дрожат усы и блестят влажные клыки в оскале. От тигриного рыка, грозного, смертельного, по коже девушки пробежали мурашки. Разъяренный зверь мог вывести ее из сражения одним укусом или ударом лапы. Тем не менее она заставила себя стоять прямо, расправив плечи, не выказывая страха. Кари не моргая смотрела в глаза белой тигрицы. Они были неправдоподобно зелеными, и, кажется, в них плясали искорки веселья. Взгляд был совершенно человеческим и выдавал сущность хищника: тигр перед Кари был оборотнем, а не обычным зверем.

– Достаточно, – раздался властный женский голос.

Тигрица огрызнулась, снова зарычала, потом неохотно, медленно отступила и шагнула к трону, вокруг которого сидели другие хищные кошки. Заглянуть в глаза тигру – должно быть, это тоже часть проверки. В глубине души Кари надеялась, что прошла испытание. Изобелья Заларо ценила мужество и храбрость – качества характера, без которых не мыслила себя. А вот экзамен на благоразумие Кари, похоже,

завалила...

Дворец Кошек был самым высоким зданием резиденции клана Когтей. Давным-давно оно служило предводительнице клана купальней, но за сотни лет преобразилось: на украшенных золотым орнаментом стенах красовались картины известных художников в рамах, инкрустированных драгоценными камнями, по периметру комнат высились статуи, а дворцовые порталы охраняли мраморные тигры и ягуары. Еще больше кошек-оборотней было в зале заседаний – тронном зале, как называла его Кари, – в котором львица-оборотень Изобелья Заларо, предводительница хищных кошек, проводила аудиенции. С потолка свисали непристойно огромные люстры, а витражи окон были составлены из ярких стеклышек, многочисленные отражения мозаики создавали магическую атмосферу – как будто блуждаешь между сном и реальностью. Огромный зал был устлан коврами и подушками, на которых нежились многочисленные кошки-оборотни, а у дальней стены зала стоял трон, на котором восседала глава клана Заларо.

Темнокожая женщина за пятьдесят, с длинными черными косами до пояса, Изобелья носила традиционное одеяние хризантов: в ярко-красной ткани, богато украшенной золотой вышивкой, она была похожа на сотканную из огня и гнева богиню. Ее лицо выражало одну эмоцию – скуку. Возможно, Изобелья оставалась безучастна к происходящему, потому что появление Кари и Файолы не представляло ни малей-

шей опасности.

– Не ожидала, что буду приветствовать в моем дворце продажных девок дон Немеа, – сказала она и холодно улыбнулась гостям. – Даже не знаю, что чувствовать, – льстит мне ваш визит или оскорбляет.

– Мы не девки Дайширо, – прошипела Кари, и руки произвольно сжались в кулаки.

У нее на языке вертелись возражения поострее, но пришлось сдерживаться, ведь воспользоваться шансом и заполучить людей Заларо себе в союзники они могли один раз.

Со времени бегства Кари, Файолы, Харуо и Изуми с виллы Немеа прошло две недели. Все это время они скрывались в квартале клана Заларо. Ясно, что это не могло длиться вечно. Теперь, когда клан Скарабеев заключил соглашение с преступным синдикатом «Горящая лилия», дон Дайширо Немеа стал могущественнее, чем когда-либо. С территории своего клана, с Пенинсулы он потянется алчными щупальцами к острову Магнолия, попытается взять под контроль, а потом... Кари не хватало фантазии вообразить последствия. Амбиции Дайширо не знали границ. Предположительно, он удовлетворится только тогда, когда перед ним склонится весь континент.

Если беглецы хотят помешать преступным планам Дайширо, им потребуются союзники. А где их искать, если не в клане Когтей, на который дон давно точит зуб?

– Нет, вы гораздо хуже, – фыркнула Изобелья. – Ты его

дочь. Этот статус не прибавляет тебе цены. Интересно, как бы отреагировал твой приемный отец, если бы я выложила перед дверью его виллы фигуру девушки из тонких ломтиков твоего мяса? – Ее губы растянулись в чуть ли не самую очаровательную улыбку.

Кари не строила иллюзий: аудиенция в любом случае не должна была пройти легко, и все-таки посмотрим, не была ли идея поговорить с Изобельей обречена на провал с самого начала.

– Дочь! Ну, можно сказать и так. Хотя для обозначения моего статуса в клане Скарабеев слова «рабыня» или «вещь» подошли бы лучше, – заявила Кари. – Вы, наверное, знаете, что моя семья продала меня Дайширо. Впрочем, клан Заларо поступил с Файолой точно так же. – Она заглянула Изобелье прямо в глаза. Та выдержала пристальный взгляд – а почему она должна отводить глаза? Предводительнице могучего клана не к лицу раскаяние или стыд.

Услышав эти слова, Файола окаменела. Вообще-то, с тех пор как они с Кари перешагнули порог дворца Кошек, она не произнесла ни слова. Впрочем, Кари надеялась, что, как бывшая Заларо, Файола найдет правильные слова, способные смягчить Изобелью. Видимо, Кари неправильно оценила обстановку. Она почувствовала сладковатый запах личи и поняла: Файола трепетала от страха.

– Но все это не имеет отношения к делу. Мы здесь для того, чтобы предостеречь вас, – продолжила Кари.

Изобелья громко рассмеялась. Обернувшись спиной к Кари, она обратилась к своему клану:

– Шлюхи Немеа действительно думают, что могут сообщить нечто ценное, чего я еще не знаю от моих шпионов. Уж лучше бы я послушала что-то новенькое. Скажите-ка, вы, каково это – стоять на коленях перед Дайширо Немеа? Целовать ему ножки или другие части тела – кому что по родству положено, – унижаться перед ним?

– Зная, как близок клан Когтей к гибели, я-то рассчитывала, что вы хотя бы выслушаете нас! И прежде чем осыпать ругательствами, составите собственное мнение о нашем предложении, – сказала Кари.

Пусть годы, проведенные в золотой клетке Дайширо за бесчисленными проверками на прочность, были хуже всякой тюрьмы, но, по крайней мере, Кари научилась не позволять эмоциям брать верх (хотя, надо признаться, больше всего на свете ей сейчас хотелось выцарапать Изобелье глаза) и сохранять спокойствие.

Тигрица, только что рычавшая на Кари, и еще два ягуара поднялись и с тихим рыком двинулись к ней. Изобелья же сотрясалась от хохота.

– Скромность, как видно, не та добродетель, которую привил вам ваш хозяин. Ну хорошо, рассказывай свою историю. Посмотрим, сестрицы, не позабавит ли она нас.

Кари поведала – Файола молча стояла рядом с ней, не шелохнувшись, словно остолбенев, – про колдунью Сайку,

в образе безликого демона похищавшую души в кварталах Немеа; как потом выяснилось, она действовала по поручению Дайширо. И конечно, про преступный синдикат «Горящая лилия», из-за которого по Бухте Магнолия пропадали и подвергались насилию люди; а ведь отнять можно не только жизнь, но и жизненную эссенцию (душу). Как Дайширо использовал безликого демона, чтобы привлечь внимание к синдикату, поставить его в зависимое от клана положение и заключить с ним союз. Она живописала кровавую битву в городе Крепостная Стена и, наконец, их бегство с виллы Дайширо.

– Члены синдиката «Горящая лилия» и их маги невероятно могущественны. Сейчас они работают вместе с людьми Дайширо Немеа. Он хочет подчинить себе всю Бухту Магнолия, но в первую очередь – клан Когтей. Изобелья, поверьте, Дайширо и его «лилии» сначала нападут на вашу территорию.

Последние слова Кари вызвали беспокойство среди кошек. Некоторые тревожно переминались, два тигра сомкнули головы и о чем-то переговаривались шипящими и рычащими звуками. Рев белой тигрицы заставил их смолкнуть.

– Если то, что ты говоришь, – правда, чего ты хочешь от меня? – поинтересовалась Изобелья.

– Мы должны выступить против Дайширо, пока у нас еще есть шанс, – предложила Кари.

– Мы? Вы хотите, чтобы мы сражались на вашей сторо-

не? – Изобелья склонила голову набок. – Почему мы должны присоединяться к повстанцам? Предположим, ты сказала правду, и мы примем решение действовать с вами заодно. Нам-то какая выгода? Кошек-оборотней много, мы могущественны, а вас мало, и вы слабы. Из услышанного я делаю вывод: больше всего на свете дон стремится заполучить вас с Изуми. Представляется мне, для клана Когтей гораздо выгоднее сдать беглецов, чем предложить им защиту в нашем квартале.

Неужели она всерьез?! Кари сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль отвлекла достаточно, чтобы побороть первый порыв и сразу не наорать на Изобелью.

– А мы и не предлагаем вам примкнуть к повстанцам, – сделав глубокий вдох, продолжила она. – Если в случае нападения дона вы сумеете защитить жизнь и независимость своих людей, можно считать нашу – мою и Файолы – миссию успешной.

Она искоса взглянула на Файолу, надеясь, что та наконец снова обрела голос, но мачеха не издала ни звука.

– В ваших рассуждениях есть логика, опасения не лишены серьезных оснований, – констатировала Изобелья, – а в целом история приправлена изрядной щепоткой фантазии. Откуда мне знать, что это не Дайширо вас ко мне подослал? Или что вы не выдумали душераздирающую историю, чтобы я помогла вам спрятаться от хозяина, от которого вы сбежали? Вы предали дона клана Скарабеев, и совершенно непо-

нятно, а почему бы вам не обмануть и меня? – Ее взгляд остановился на Файоле, когда она продолжила: – Скажи мне, с какой стати я должна верить шлюхам Дайширо Немеа?

Дрожь прошла по телу Файолы. Она сделала глубокий вдох, выдохнула и снова набрала воздуха в легкие. Время вдруг стало вязким. Секунды растягивались, как резина. Кари мучительно ждала, что Файола ответит, и молилась, чтобы та нашла точные слова. Ни в коем случае нельзя испортить дело! Они больше не получают аудиенции и упустят последнюю возможность убедить в своей правоте Изобелью и кошек-воительниц.

– Сестры мои! Изобелья! Вам известно, почему много лет назад я согласилась выйти замуж за дону Дайширо, – начала речь Файола. – У меня никогда не было желания покинуть клан Когтей, а еще меньше – выйти замуж за чужака. Пусть я была женой Дайширо, но я по-прежнему кошка! Клянусь моей жизнью и всеми ягуарами этого мира, мы говорим правду.

Глаза Изобельи сузились.

– Как у тебя язык поворачивается называть нас сестрами?

– Все кошки – одна семья... – прошептала Файола. Ее голос дрожал.

– И тем не менее ты – с тех пор как здесь живешь – не обратилась ни к так называемым сестрам, ни к брату Киано, – прошипела Изобелья, вцепившись ногтями в обивку на подлокотниках трона. – Думаешь, мы не знаем, как ты себя вела? Как ты ластилась к любимому мужу, притворяясь до-

машней кошечкой? Стелилась перед ним, согревая постель, выполняя для него грязную работу, не так ли? Ты позор кошачьего рода, Файола! Не заслуживаешь снисхождения, не имеешь права называться нашей сестрой!

Файола вздрагивала, как будто Изобелья каждым словом била наотмашь.

– Если бы вы только знали, что он со мной сделал...

Грозный рев тигрицы заставил ее прикусить язык. Поднялись два леопарда и, крадучись и скалясь, двинулись к Кари и Файоле. Изобелья со вздохом откинулась на спинку трона.

– Вы мне надоели. Думала, развлекусь, поболтаю с потаскушками Дайширо, а вы оказались такими скучными. – Она махнула рукой, словно отгоняя назойливых мух, что, пожалуй, для Кари и Файолы должно было послужить знаком, что аудиенция закончена.

Неужели это все? На беседу с предводительницей кошек Кари возлагала все надежды – и чего достигла? «Нет! Черта с два! Так быстро я не сдамся. Не время опускать руки! Ради себя, друзей и тех, кто уже лишился жизни от рук Дайширо и „Горящей лилии“, я не дам Изобелье закончить разговор», – подумала она.

– Очень наивно с вашей стороны не понять, насколько серьезна угроза! – воскликнула она. – Послушайте! Вы должны...

– Молчать! – прогремела Изобелья.

Один из леопардов придвинул морду к лицу Кари так

близко, что усы ткнулись ей в щеку. Изобелья поднялась с трона. Хищные кошки прильнули к ее ногам.

– Ты и твои друзья-предатели вот уже несколько дней злоупотребляете гостеприимством клана Когтей. Я могла бы вас прогнать или отдать на съедение моим кошкам-воительницам. Уж им наверняка понравился бы вкус вашего мяса, не сомневайтесь! Вместо расправы в *моем* квартале вы получили покой и убежище, а сегодня – еще и приглашение во дворец. И для чего?

Она медленно двинулась к Кари и Файоле. Кошки инстинктивно отпрянули в сторону. Шаги Изобельи обладали такой точностью, такой силой, что Кари показалось: от них должен был вибрировать пол. Но этого не происходило. Она скользила так же бесшумно, как и другие кошки.

– Сначала являетесь сюда и рассказываете нам сказку о чудесном спасении. Выставляете нам требования, не предлагая никакой ответной услуги. Обижаете меня и воительниц клана в наших собственных владениях. Смеее называть нашей сестрой продажную девку Немеа. А теперь еще рискуете выдавать мне, Изобелье Заларо, предписания, как жить и что делать?

В центре зала она остановилась. Свет, который преломлялся через множество стекол, рисовал пестрый узор на ее коже. Она была явлением, воительницей, богиней мщения. Нет ничего, что она могла бы сказать или сделать – да никогда и не было аргумента, способного убедить Изобелью.

– Напоследок я сделаю вам еще одно одолжение, примите в знак моего гостеприимства. Пожалуй, оставлю вас в живых. Убирайтесь из моего дворца так быстро, как только уносят ноги. Поспешите, пока я не потеряла терпение и не решила преподнести Дайширо Немеа подарок в виде его потаскух, растерзанных на куски.

2

Тут кто-то есть **Люсьен**

Тонкие доски трапа тяжело прогнулись под ногами Люсьена. Еще несколько недель тому назад он не расслышал бы едва уловимого скрипа, однако обострившимися после обращения в дракона чувствами он подмечал все. Журчание соленой воды вокруг деревянных балок, плеск весел, смех рыбаков и музыку из радио, которая тихо звучала в хижинах на берегу. Запах рыбы и соли висел в воздухе, смешиваясь с ароматами пряностей и острыми парами чили из кастрюль, и заставлял желудок Люсьена урчать.

Их с Зорой паром причалил в Соль-вейв, рыбацкой деревне на юге острова Цитрин.

На Цитрине легко забыть, что деловые кварталы острова Магнолия с их небоскребами так близко. Раньше, когда Люсьен гостил на Цитрине у бабушки, он чувствовал себя здесь легко и спокойно, будто тень метрополии не могла до него дотянуться. Казалось, в Соль-вейв время остановилось, и люди жили так же, как сто лет назад. Они ютились в маленьких деревянных домах, парящих над болотистой почвой на сваях и связанных друг с другом шаткими подвесными мостиками. С южного края берег Соль-вейв выступал далеко

в море. Оттуда большинство рыбаков уходили на промысел, они и по сей день ловили рыбу традиционным способом – самодельными сетями или при помощи водяной магии.

Искать Люсьена в Соль-вейв никому не придет в голову. По крайней мере, он на это надеялся. С тех пор как боевики клана Скарабеев напали на город Крепостная Стена, прошло две недели. Тогда Люсьен превратился в дракона и теперь числился в розыске – или, если точнее, все искали чудовище, своим эффектным появлением заставившее всю Бухту Магнолия затаить дыхание во время Звездного праздника.

Люсьен прищурился, глядя в мутное стекло окна: в комнате на экране телевизора мелькали многочисленные картинки, складываясь в фильм. Как раз сейчас по небу скользило змеевидное драконье тело, скрываясь над высоким небоскребом. Неужели это действительно он? После Звездного праздника Люсьен больше ни разу не обращался. Риск быть обнаруженным был слишком высок. Не говоря уже о том, насколько непредсказуем был результат, ведь он понятия не имел, каким образом совершил превращение в первый раз.

Сквозь тонкие стекла он расслышал, как ведущая завершила программу новостей: «...дракона потеряли из виду, когда он повернул в сторону острова Цитрин. Загадка последнего дракона Бухты Магнолия не разгадана и продолжает мучить граждан».

– Они все еще уверены, что я на острове Цитрин, – обернулся он к Зоре.

– Тоже мне, мистер Очевидность, – отмахнулась Зора.

Вот уже две недели военные прочесывали остров Цитрин, из-за чего Люсьен и Зора были вынуждены кочевать с места на место. Дом бабушки они покинули уже на следующее утро после Звездного праздника: кто-нибудь наверняка заметил, куда направился дракон, и мог вычислить, где он приземлился. С тех пор они каждый день меняли место ночлега, останавливаясь то в каком-нибудь заброшенном пансионате, то ютясь в снятых на ночь комнатах.

Зора натянула Люсьену капюшон на лоб посильнее.

– Тем важнее, чтобы тебя никто не видел.

– Они ведь не знают, что ищут именно меня, – пробурчал он. Не было никаких признаков того, что хоть одна душа догадалась, кто же таинственный дракон, над тайной появления которого ломал голову целый город.

– Официальные власти, может, и не в курсе, – бормотала Зора.

Но «Горящая лилия» и клан Скарабеев, возможно, догадались. Желудок Люсьена судорожно сжимался от этой мысли. Вскоре после их бегства Зора открыла ему всю подоплеку: как участники событий связаны с «Горящей лилией», с торговлей душами, с «Талантливыми решениями». Он понял, что агентство «Талантливые решения», которое вот уже год как входило в холдинг его родителей, на самом деле было инициатором сбора так называемых потерянных душ. Откровение Зоры было сродни безумию. Как сон. Вернее, как

кошмар наяву.

Сколько малов стоит жизнь человека? Первый вопрос, заданный Зорой Люсьену. Тогда он не понял, к чему она клонила. Теперь же точно знал, что, сам того не ведая, сдал сотни людей «Горящей лилии» на переработку. Сотни мечтателей, ищущих в Бухте Магнолия второй шанс и потерявших душу.

От этой мысли Люсьена подташнивало. Что он наделал? Снова и снова, как болванчик, повторял заученные пустые обещания, рассыпался в любезностях, используя уловки торговшей, сыпал ложными надеждами... О богини! Если его не поджарят в пучине царства смерти за содеянное, то в мире нет справедливости.

– Пошли скорее. Нам пора, – прошептала Зора.

Две слишком коротких секунды ее пальцы прикасались к его щеке – там по коже пробежали искорки. В глазах Зоры Люсьен читал тоску, которую тоже испытывал. Сначала ее прикосновения будили в глубине его души теплую волну, будто заключенная в нем сила инстинктивно узнавала ее магию и мгновенно откликалась. Он тосковал по поцелуям Зоры, по сложному танцу ее магии и его огня, по близости, возникшей между ними незадолго до Звездного праздника. И если он правильно истолковал искры в глазах Зоры, притяжение между ними было взаимным. Хоть она и отдернула от его щеки пальцы так быстро, будто обожглась.

Не из-за серебра, покрывавшего большую часть его тела

и щеки, — на других людей это действовало пугающе, а то и отталкивающе. Но не на Зору, Люсьен это знал. Нет, Зоре серебро в его венах никогда не мешало. Ее заставляли держаться на расстоянии крохотные буковки, тянущиеся по всему его телу. Воспоминания о Наэле, брате Зоры, которые она запечатлела на его коже. Она никогда не произносила имя Наэля вслух, но и без слов было ясно, что между ними что-то изменилось. Когда Зора смотрела на Люсьена, она теперь видела не взбалмошного парня, а ходячее напоминание об утраченной жизни ее брата. Она чувствовала себя виноватой. Потому что не спасла брата. Потому что именно Зора заставила его пуститься в торговлю душами.

Не то чтобы она действительно помнила что-то конкретное. Но кожа Люсьена хранила его историю.

Часто Люсьен задавался вопросом: не лучше ли было, если бы Зора не успела записать воспоминания о Наэле? Слова, тянущиеся по левой половине его тела, хотя и скрывали знание о том, кем был ее брат, но не скрывали настоящие воспоминания. Прежде всего они свидетельствовали, что Зора навсегда потеряла дорогого ей человека. «Стоит ли сохранять историю жизни Наэля, раз это причиняет ей такую боль? — спрашивал Люсьен. — Не легче было бы для всех, если бы они понятия не имели, что он вообще когда-то жил на свете?»

Люсьен со вздохом отвернулся от окна. На экране телевизора теперь всплыло лицо Йи-Шен Кая. Он, пожалуй, в

сотый раз за последние две недели заверял обеспокоенных граждан, что не знал, откуда взялся дракон. И нет, это не заговор против правительства Бухты Магнолия.

Люсьен последовал за Зорой по лестницам и мостикам, протискиваясь в тесные проходы между рыбацкими домами.

Кожа зудела и неприятно натягивалась при ходьбе. Две недели тому назад зильфуровые вены хотя и были видны, но по-настоящему его не беспокоили. Своим спасением он был обязан бабушке, которая регулярно забирала его болезнь, переводя ее на себя при помощи целебного камня. После ее смерти он стал ощущать серебро как жидкое инородное тело, не позволявшее ему забыть, как близок он к смерти. С Зорой он переживаниями не делился. У нее и без того было много забот. Внезапно Люсьен уловил едва слышный скрип позади себя, какая-то тень метнулась в сторону. Резко обернувшись, он замер, но не заметил преследователя.

– Что случилось? – всполошилась Зора.

– Тут кто-то есть.

– Разумеется, мы не одни. В округе вечно кто-то бродит. Мы же в деревне – тут столько рыбаков, что моря не видно.

Люсьен фыркнул в ответ и попытался разглядеть кого-то в темноте. Зора, конечно, сразу поняла, что он имел в виду не привычные звуки деревенской жизни.

– Ты уверен, что тебе не померещилось? – В ее голосе чувствовалось сомнение.

Люсьен хотя и рассказал ей о своих обострившихся чув-

ствах, но она не восприняла всерьез изменения, произошедшие с его телом. Порой у него тоже мелькала мысль: а может, у него паранойя? А что, если реальность наполнилась звуками и запахами только в его воображении? Он снова различил в темноте намек на движение и метнулся в его сторону. Несколько едва различимых всплесков.

– Постой! – крикнул Люсьен. Кем бы ни был их преследователь, ему удалось скрыться.

Рядом с мостиком, на котором Люсьен пытался схватить шпиона, по воде расходились круги. Люсьен встал на колени и дотронулся пальцами до волн. Мелководье. Вода здесь едва доходила до щиколоток. Человек не смог бы скрыться на такой глубине или убежать бесшумно, но... Здесь никого не было. Ничто не выдавало чужого присутствия, за исключением мелкой ряби на воде. Волны лизали кончики его пальцев. Когда же Люсьен присмотрелся, то заметил в воде какую-то тряпку – оказалось, льняные брюки.

Зора осторожно подошла к нему сзади и тоже осмотрелась.

– Ты кого-нибудь видишь?

Люсьен помотал головой. Может, у него и правда крыша поехала. В таком объяснении было больше смысла, чем в другом варианте: преследователь растворился в воде.

Опыт, полученный в последние пару недель, научил его, что любые версии исключать нельзя, какими бы странными или даже фантастическими они ни казались.

– Идем дальше, – скомандовал он тихим голосом.

Очень скоро они с Зорой добрались до цели – неприметного дома на краю рыбацкого поселка. Рядом с домом на воде покачивались лодки. Зора постучалась, но ждать реакции не стала, а сразу открыла дверь. Когда они вошли, их окружил гул голосов и сладковатый запах. Понадобилась пара секунд, чтобы глаза привыкли к сумеречному свету, и они разглядели очертания людей, теснившихся в очень маленьком предбаннике, служившем комнатой для ожидания. Многие сидели на полу, поскольку мест на всех ожидающих не хватало, а каждый из них принес с собой еще и животное.

Клетки с порхающими птицами, кошки, свиньи и бесчисленные грызуны. Жертвенные животные. Плечи одной посетительницы обвивала змея. Какое облегчение, что они с Зорой оставили свинку в хостеле.

Зора размашисто двинулась вперед, к двери в дальнем углу комнаты. За дверью должна была совершать ритуалы целительница, колдунья черной магии, к которой и пришли все эти люди. Зора явно не собиралась ждать своей очереди, чтобы войти. Какая-то молодая женщина преградила ей путь.

– Чун Хуа принимает только по записи. Прежде чем открыть дверь, вы должны назвать мне свое имя, – категорично заявила она и подняла дощечку с зажатым листком, испещренным каракулями – именами пациентов. – Сообщите, кто из вас двоих нуждается в лечении, от какой болезни вы хотите избавиться. – Остановившись на Люсьене и Зоре, ее

глаза превратились в узкие щелочки. – Вижу, вы не принесли с собой жертвенное животное. Придется заплатить другую цену.

– Вообще-то, мы пришли не просить об исцелении. А просто поговорить с Чун, – пояснила Зора.

На самом деле сюда их привело не желание избавиться от зильфуровых вен Люсьена. Ни одной, даже величайшей в мире, колдунье не дано их вылечить. Что говорить о какой-то там Чун Хуа?! Она, по всей видимости, даже себя не может спасти от пациентов. Нет, Зора хотела получить не услугу, а информацию.

Две недели тому назад, когда Люсьен впал в кому, погрузился в серебро и боль, к нему явились три богини. Их голоса звучали в его голове с тех пор, как Зора пробудила в нем магию. Богини показали ему место, где он сможет найти исцеление. Но где именно находится храм из его видения, Люсьен не знал. Чего не скажешь о его родной бабушке. Вот что любопытно! Как же так? Если его бабушка действительно догадывалась, что внук может получить помощь, а главное – знала где, то почему она оставила его жить с психологической удавкой на шее? Почему оставила его с мыслью о неизбежной скорой смерти? Почему она годами забирала болезнь на себя и допустила, чтобы ее объявили неизлечимо больной и изъяли энергию?

О богини, она ведь пожертвовала ради него жизнью! А теперь получается, Люсьен должен поверить, что бабушка все

время знала, как его исцелить?

А как иначе объяснить, откуда в ее доме столько странных предметов? Перед отъездом – вернее, перед бегством – Зора собрала из дома бабушки Люсьена магические предметы и памятные вещи. Пока он скорбел в саду, не смея зайти в осиротевший дом. Там остались только воспоминания.

Наряду с травами и целебными настояками Зоре в руки попались две старинные бабушкины записные книжки с введениями в некоторые виды магии. И фотоальбом.

В альбоме девушка обнаружила фотографию храма, который привиделся Люсьену. Место, где он мог найти исцеление. Правда, без намека на местонахождение храма. Снимок был сделан, когда его бабушка была еще молода и проходила обучение магии в древнем Нефритовом храме на острове Цитрин. Люсьен почти ничего не знал о том периоде ее жизни, бабушка никогда о нем не рассказывала. Он даже долго сомневался, что она вообще была колдуньей, настолько упорно она скрывала эту часть своего прошлого.

Но фотографии в ее альбоме хранили все воспоминания. На снимках бабушка улыбалась, позируя перед Старым, или Нефритовым, храмом, а еще стояла внутри храма рядом с другими начинающими магами и колдуньями, одной из которых была Чун Хуа.

В наши дни Нефритовый храм превратился в развлечение для туристов. Зора и Люсьен быстро сообразили, что не найдут в нем ни настоящих магов, ни следов школы. Однако при

помощи связных в подпольном мире Бухты Магнолия Зора выяснила, что Чун Хуа теперь практиковала черную магию, совершала ритуалы исцеления в Соль-вейв.

Итак, Чун Хуа они нашли. Теперь дело за малым – поучить наводку на храм из видения Люсьена, а еще лучше – адрес.

– Мы, типа, старые друзья. Чун обрадуется, когда нас увидит, – заверила Зора со сладкой улыбкой.

Помощница надула щеки, как будто Зора произнесла вслух что-то особенно глупое.

– Как видите, у Чун Хуа много пациентов. Зачем бы она вам ни понадобилась, придется ждать своей очереди.

– Мы по срочному делу, – произнесла Зора заговорщицким тоном.

– Оглянитесь. – Помощница развела руками. – Здесь все спешат убежать от смерти. Что может быть важнее?

Словно по команде одна из пациенток забилась в приступе сухого кашля. Мальчик с цементной кожей на предплечьях перевел на нее скорбный взгляд больших глаз. Зора подняла брови и бросила на Люсьена вопросительный взгляд. Тот вздохнул. Рискованно показывать его лицо на людях. Здесь слишком много народу. Что, если один из больных работал на «Горящую лилию» или на холдинг? Или был информатором клана Скарабеев? Медленно Люсьен снял с головы капюшон и показал лицо, пораженное серебром.

Самодовольное выражение моментально исчезло с лица

помощницы. Она отпрянула. Гул, висевший в комнате ожидания, разом смолк.

– Спасибо, – только и сказала Зора, протиснувшись мимо помощницы и решительно толкнула дверь в комнату колдуньи.

Перед жертвенным алтарем сидел обнаженный по пояс мужчина, спина и грудь которого были покрыты кровоподтеками. Перед ним стояла колдунья. Церемониальный нож в ее руках был направлен на кролика. Темно-синий фолиар и белый парик – такой же, как у Зоры, – лицо скрыто под маской, в прорезях которой сверкали глаза.

– Прошу прощения, – пробормотала ассистентка, прошмыгнув в комнату вслед за Люсьеном и Зорой. – Эти двое нахально прорвались в комнату.

– У нас неотложное дело, – с вызовом произнесла Зора.

Колдунья склонила голову набок. Ее глаза скользнули по лицу Люсьена к его воротнику, под которым скрывалось серебро.

– Никакая спешка в мире вам уже не поможет, – просипела она. В ее глазах Люсьен увидел что-то похожее на сострадание. – В моих силах смягчить твою боль – и только. То, что я бы тебе посоветовала, я не предлагаю в качестве услуги.

Известно, что зильфуровые вены неизлечимы. Большинство больных справлялись с проблемой самостоятельно: сводили счеты с жизнью раньше, чем болезнь окончательно вгоняла их в безумие.

– И все же я верю, что ты сумеешь нам помочь, – возразил Люсьен и достал из кармана фото, на котором Чун Хуа стояла рядом с его бабушкой, обе они еще были хороши собой и молоды.

Глаза колдуньи метнулись от фотографии к Люсьену и снова назад и наконец расширились, когда она разглядела природное сходство.

Чун кивнула на дверь позади себя.

– Подождите там, – попросила она. – Сейчас я к вам зайду.

3

Было время, когда мы могли бы стать подругами **Кари**

Неужели предупредить клан Заларо о грозящей опасности – ошибка? Что, если Изобелья исполнит угрозу и выдаст ее Дайширо? Неужели годы жизни под опекой дона не научили Кари никогда не верить главе клана?

Сомнения терзали Кари, пока они с Файолой шли по оживленным переулкам квартала клана Когтей. За каждым углом ей мерещились тысячи опасностей. Старухи, сидящие у домов на пластиковых стульях, наверняка были шпионками предводительницы Заларо. Танцующие тени лампионов, многоцветными гирляндами тянущихся над переулками, напоминали ей пятна на шкуре ягуаров и гепардов из дворца Кошек. За открытыми дверьми или развевающимися занавесками она видела прячущиеся глаза, наблюдающие за каждым ее шагом. Даже смех детей, гоняющих мяч во дворах, казался ей угрожающим. О богини, надо срочно взять себя в руки! Хотела бы она выжечь из себя Немеа, но все еще оставалась Кари, а если и была частица души, отданная ею другому человеку, она была слаба

Файола слегка прихрамывала. Во время бегства с виллы Дайширо она поймала пулю. Колдовство Сайки спасло ей жизнь. Мощный выброс магической энергии залечил рану. На Файоле все заживало как на кошке, пусть она ею была всего наполовину. От ранения остались воспоминания: шрам на правом бедре и боль, искажающая лицо Файолы, когда она слишком твердо ступала на ногу.

– Как думаешь, почему Изабелья нас прогнала? – спросила Кари.

Файола остановилась и осмотрелась.

– У нее повсюду шпионы. Мужчины, женщины, дети и даже домашние животные докладывают слугам Изабельи обо всем, что творится в квартале клана. Тени домов – и те повинуются ее приказам. Мы не сможем без ее ведома и шагу ступить.

Значит, Кари не зря беспокоилась. Она вздохнула. Глаза и уши квартала клана Когтей и семьи Заларо. Точно так же мама Лакуар была глазами, ушами города Крепостная Стена... и его пульсирующим сердцем. А Кари ее предала, выдала клану Скарабеев. Разумеется, мысленно она продолжала обращаться к хозяйке города Крепостная Стена, наставнице Зоры. Кари никогда не была сентиментальной, но ее пребывание в городе Крепостная Стена, каким бы коротким оно ни было, имело для нее важное значение. Стоило закрыть глаза, как перед глазами вставала картина: маму Лакуар в цепях и с мраморной маской на голове сажают в клетку. Эта

сцена преследовала Кари во сне и наяву. Что теперь станет с городом Крепостная Стена? Этот вопрос не давал ей покоя. Сможет ли город восстановиться после нападения клана Немеа? И еще важнее, продолжится ли такая полная, интересная, пестрая жизнь в его стенах без мамы Лакуар?

Кари давно научилась жить без сердца. Но удастся ли это сделать жителям города Крепостная Стена?

Со времени бегства с виллы дона Дайширо Кари, Файола, Харуо и Изуми скрывались в заброшенной квартире в кварталах Заларо. С тех пор Кари не была в городе Крепостная Стена и не получала о нем ни новостей, ни слухов. Официальные власти хранили молчание. Жители Бухты Магнолия не знали о разборках между кланами. Все делали вид, будто никакой атаки на город Крепостная Стена никогда и не совершалось. Лишь одно событие занимало мысли и разговоры жителей Бухты Магнолия: дракон, поднявшийся в небо из города Крепостная Стена и улетевший за океан. Первый дракон за более чем сотню лет!

– Вероятно, Изобелья прогнала нас, чтобы проследить, куда мы пойдем и где прячемся, – продолжила Файола, вырвав Кари из переживаний.

– Вполне возможно, – кивнула Кари. Еще одна причина покружить по кварталу подольше, а не спешить в квартиру.

Они дошли до торговой площади. Народу здесь было не меньше, чем в Центральном районе на острове Магнолия. Рыночные зазывалы драли глотки в попытках перекрычать

друг друга, на маленьких деревянных лотках или на покрывалах прямо на земле громоздились экзотические фрукты и овощи, рыба и мясо, электрические штуки и ювелирные украшения, почти такие же яркие, как платья и рубашки посетителей рынка. Над всем этим изобилием покачивались радужные лампионы.

– Рынок Кошек, – пояснила Файола и велела Кари продвигаться глубже в гущу рыночных стендов, где запахи становились острее, а воздух тяжелее, так что дышать было нечем.

Здесь вместо фруктов и овощей на земле громоздились короба со змеями, ящерицами и прочими гадами. А над головами продавцов болтались связки пластиковых мешков с водой, в которых плескались экзотические рыбы, и гроздьями свисали клетки, там теснились самые разнообразные животные. Кролики и морские свинки, собаки и крокодилы, горные козлы и ящерки – купить тут можно было все, что движется, живой товар на любой вкус и цвет, но прежде всего, конечно, кошек всех вообразимых размеров и оттенков. Куда ни сунься, наткнешься на магнетические немигающие взгляды глаз с фосфорическим блеском. Да, пожалуй, этому месту очень подходило название Рынок Кошек.

По слухам, здесь можно было купить и продать не только обыкновенных животных, но и оборотней. В наше время оборотни стали редкостью, и держать их в тесных клетках никто бы не посмел, но Кари поймала себя на мысли, что ищет в глазах каждой увиденной по ту сторону прилавка

кошки проблеск человеческой сущности.

Они миновали обшарпанный ларек, в котором продавали зубы и когти тигра и другие магические ингредиенты для снадобий.

– Нам нужен план. На случай, если Изобелья все-таки примет решение выдать нас Дайширо, – предложила Кари. – Она не даст нам ускользнуть из квартала клана Когтей просто так.

Кари все еще надеялась, что предводительница клана Когтей изменит мнение и выступит вместе с ними против дона Немеа. Дайширо высмеял бы ее за наивность. Значит, у нее было еще больше причин держаться за эту последнюю соломинку. К черту дона и его благоразумие! Правила дона Дайширо в последние годы буквально въелись ей в подкорку. Тем более! Пора стряхнуть оковы и из райской птички Дайширо стать... ну да, самой собой. Кем бы она ни была.

– Мы не можем бросить людей Заларо в беде, – твердо заявила Файола.

– Даже если они не хотят принимать нашу помощь? – горько усмехнулась Кари. Изобелья и ее хищные кошки обозначили свою позицию вполне однозначно.

– Как тогда быть? Ты хочешь бросить клан Когтей на растерзание только потому, что Изобелья слишком горда, чтобы нас выслушать? Люди не виноваты в ее высокомерии, ведь и мы не в ответе за деяния Дайширо, – возразила Файола. В ее голосе слышались сила и уверенность, которые раньше

Кари не замечала. До сегодняшнего дня она считала Файолу легкомысленной красоткой, расфуфыренной куколкой, амбициозной и властной. Как поверхностно она судила о Файоле! Даже стыдно как-то. – Исконная территория семьи Заларо – особенное место. Мы не можем допустить, чтобы оно стало вторым кварталом Скарабеев.

И она была права. За несколько дней, что Кари провела в квартале клана Когтей, она заметила, что с кварталом клана Скарабеев у него столько же общего, сколько у острова Магнолия – с Луной. Улицы здесь ярче, громче, жизнь на них кипит, а движение не прекращается ни днем ни ночью. Тогда как в квартале клана Скарабеев постоянно кто-то шепчется за закрытыми дверьми. Заларо предоставляли людям свободу, о какой Кари и остальные жители деревень до Наемеа могли только мечтать. Однако это не значило, что жизнь здесь была тихой и размеренной. В тупиках и переулках таились тени, а вокруг Кари периодически шипели кошки. Впрочем, впереди их ждало зрелище похлеще. Дойдя до площади в центре рынка Кошек, Кари с Файолой замерли: прямо на булыжниках на коленях стояли дети, женщины и мужчины. Вокруг них ходили посетители рынка и тщательно их разглядывали.

– По крайней мере, Дайширо не торгует рабами, – пробормотала Кари.

Файола горько усмехнулась:

– Неужели? Разве тебя он не купил? Кем ты была в доме

Немеа? Или взять хотя бы меня или Харуо? Кем был любой из нас, если не рабом Дайширо? Ты же еще вчера говорила, что мы были собственностью семьи Немеа, вещами или безделушками. Или ты притворялась, чтобы произвести впечатление на Изобелью?

Она взяла Кари за локоть и потянула прочь от работягов в переулок, где торговали «оболочками». От вида рядов безгласных и безвольных существ, которые стояли, прислонившись к стене, как марионетки без хозяина, у Кари холодок пробежал по спине. Рядом с «оболочками» ей всегда было не по себе, но с тех пор, как она узнала, что это люди, лишенные души, как отец Кари, – она не могла на них смотреть спокойно. Файола тоже разнервничалась, но, казалось, вообще их не замечала.

– Даже этих беспомощных людей я не хочу бросать на произвол судьбы, – примирительно прошептала Кари. – Но и допустить, чтобы безопасности Изуми что-то угрожало, я не могу.

Она защитит Изуми от боевиков Дайширо любой ценой – даже если для этого придется принести в жертву весь квартал клана Когтей. Иначе движение сопротивления будет подавлено, не начавшись, – без девочки у повстанцев нет никаких шансов. Кари знала это еще до того, как боевики-скарабеи напали на город Крепостная Стена. Изуми можно было принять за обыкновенную девочку, но в ней таилась душа Фео, одной из трех богинь, которые много тысяч лет назад

создали мир Бухты Магнолия при помощи магии. Кари выросла на историях о деяниях первого бога, трех его дочерей и их семи генералов. Мать читала сказки о сотворении мира Кари перед сном, когда та была еще крохой, да так часто, что она помнила эти легенды наизусть, слово в слово.

Богиня света и тепла Фео своей магической силой наделила Бухту Магнолия. Обратни и люди, владеющие магическими силами, а также простые смертные; все животные и растения были созданы из ее света. Изуми понятия не имела, частица какой могучей магической силы в ней дремлет, но это не значило, что она была неуязвима. Попади Изуми в руки Дайширо, ее участь была бы предрешена. Кари даже представлять не хотела, какую казнь нарисовало бы извращенное воображение дона.

– А чего это ты вдруг кинулась на защиту семьи Заларо? – допытывалась Кари, пока они с Файолой продирались сквозь рыночную толпу в сторону более спокойного переулка, видневшегося напротив ряда торговых ларьков. – Вообще-то, Изобелья назвала тебя шлюхой и предательницей. Она презирает тебя за то, что ты вышла замуж за Дайширо, притом что только глава клана может заключить сделку и фактически так и случилось. Она продала верную дочь семьи жестокому тирану. Ты же ее ни в чем не винишь. И никого из них.

Кари не очень-то рассчитывала на откровенный ответ. Давным-давно она верила, что они с Файолой могли бы стать подругами по несчастью. Но искра симпатии, промелькнув-

шая между двумя новоиспеченными родственницами вскоре после прибытия Файолы на виллу Дайширо Немеа, быстро превратилась в обоюдное недоверие, а позднее – в неприкрытое презрение. Файола и Кари не были близки. Единственное, что их связывало, – ненависть к Дайширо. Однако дружбу на этом фундаменте не построишь. Кари задала вопрос, чтобы спровоцировать Файолу на взрыв эмоций, а не чтобы получить ответ.

Однако Файола, к ее удивлению, ответила:

– Мои родители были убиты охотниками на кошек – так мы называли работорговцев, – когда нам с братом (ты, наверное, не знаешь, а у меня был брат-близнец) было по шесть лет. Его звали Киано.

Звали. От Кари не ускользнуло прошедшее время глагола, равно как и горечь, прозвучавшая в слове, слишком коротком, чтобы выразить боль невосполнимой утраты.

– Мы бы тоже закончили жизнь рабами, если бы Изобелья не нашла нас и... не спасла. – Что, предположительно, значило, что она превратила работорговцев в корм для хищных кошек. – Воительницы клана Заларо нас вырастили и всему научили – обращаться и драться. Я обязана им многим. Поэтому я и объявила, что готова выйти замуж за Дайширо добровольно.

Добровольно? Кари была убеждена: ни у нее, ни у Файолы не было выбора. Однако в клане Когтей, кажется, действительно царили другие законы.

– Кровопролитная война между кошками и скарабеем постоянно требовала новых жертв. Конечно, прежде всего с нашей стороны. – Файола подчеркнула это с болью и обидой: она явно была не на стороне Дайширо. – Изобелья вызвала меня в резиденцию клана Когтей и изложила свой план. По ее мнению, лучший способ покончить с враждой раз и навсегда – заключить династический брак. Она знала про страсть донна к коллекционированию и предполагала, что Дайширо заинтересуется другими оборотнями, не только райской птичкой. Пусть мы клан Когтей, однако даже у нас новых оборотней не рождалось уже много лет. Тогда нас было всего трое – молодых кошек, умеющих превращаться и не связанных узами брака. Первой по красоте и обаянию была Шейла, одна из нежнейших девушек, каких я когда-либо знала. Стань она женой Дайширо, погибла бы, как магнолия в первые весенние заморозки. Вторая – юная и хрупкая Мейлин, ей тогда только-только исполнилось десять лет. Третья – сильная и дерзкая Файола. Оказалось, я единственная, подходящая для опасного сватовства невеста.

Миниатюрную Файолу тогда, в ее семнадцать лет, издали можно было принять за ребенка. Слишком рано ей было выходить замуж. Кари сглотнула и не стала произносить вслух эту крамольную мысль.

– Изобелья хладнокровно обрисовала ситуацию и представила мне выбор: хочу ли я принести эту жертву. Мой брат был против. Сперва он попытался убедить словами меня, по-

том хотел обсудить мое решение с Изобельей, а в конце концов накричал на нас обоих. Я никогда не видела, чтобы Киано кого-то умолял на коленях – с тех пор, как наших родителей убили у нас на глазах, ни разу. Но в тот день он плакал, просил меня не уходить. Мне бы его послушаться. Но я хотела покончить с кровопролитием, а еще больше...

Она осеклась, оглянулась, как будто боялась, что ее подслушивают невидимые уши.

– Ты вообразила себя двойным агентом, хотела шпионить для клана Когтей, – твердо произнесла Кари.

Файола коротко кивнула.

– И что же случилось дальше? – Поскольку что-то ведь должно было произойти, чтобы Файола из воительницы и шпионки Заларо сделалась «ручной кошечкой» Дайширо.

– Через два дня после нашей свадьбы Дайширо сделал мне подарок, – сдавленно произнесла она. – Шкуру ягуара. Он сказал, что велел приготовить ее специально для меня, потому что хотел подарить мне что-то на память о малой родине. Он предложил мне использовать ее в качестве прикроватного коврика. Чтобы каждое утро, вставая, я ступала на что-то мягкое и теплое, когда буду тосковать до дому. Эта шкура должна была напоминать мне каждый день о его любви и о новой жизни, которую он мне подарил.

О богини, шкура ягуара?

– И это был... – сказала Кари, и ее глаза расширились.

– Киано, мой брат. – Файола тяжело сглотнула. – Шкура и

по сей день лежит у моей кровати на вилле Немеа. Сперва я отказывалась на нее наступать, но служанки Дайширо каждое утро подсматривали за мной и докладывали ему, если я этого не делала. Тогда он вызвал меня к себе, сказал, как огорчен, что я не ценю его подарок. Мол, это заставляет его сомневаться в моей любви и преданности. А потом спросил, хочу ли я еще получать от него подарки с родины. Напомнил мне о свадебных клятвах. И он наказал меня. – Она сглотнула слезы, еще и еще раз, как будто могла вместе с ними проглотить болезненные воспоминания. – Оказалось, я слаба. За то, что Дайширо сделал с моим братом, мне следовало бы вырвать у него из груди сердце. Но я не смогла. Слишком боялась.

Она смолкла, расправила плечи, которые совсем было опустились, и, вскинув вверх подбородок, объявила:

– Изобелья права. Продажная девка Дайширо, шлюха, дрянь – как ни назови, все будет мало. Потому что я позволила Дайширо помыкать мной и повиновалась беспрекословно, исполняя все его прихоти. Он сломил мой дух. Слишком долго я терпела, не выказывая ни капли недовольства. Ни разу не огрызнулась, не боролась. Но теперь все изменилось.

Файола не смотрела на Кари и говорила взволнованно, как будто обращалась к человеку, с которым уже давно хотела объясниться. Внезапно Кари поняла, что Файола действительно говорила не с ней. Раздалось глухое рычание тигра.

Они были не одни.

Кари вскочила. Белая тигрица, наострив уши, шагнула к ней из темноты. Лапы беззвучно ступали по асфальту. Острые клыки блеснули как молния, зеленые глаза не мигали. Кари инстинктивно подняла руки и приняла боевую стойку. Усы тигрицы дрогнули, как будто она усмехнулась, – а может, как раз это она и сделала. Потому что патетическая попытка Кари сойтись с гигантской хищной кошкой в рукопашном бою могла вызвать только смех.

Кари повертела головой, оценивая обстановку. Они с Файолой стояли в пустом переулке. Совершенно одни, если не считать тигрицы. Не было никого, кто мог бы ее защитить или стать свидетелем их борьбы – гибели? – убежать тоже никаких шансов. И под рукой, как назло, ничего, что можно использовать как оружие. Две девушки в переулке замерли перед хищником.

– Что ты наделала? – прошептала Кари Файоле.

Не может быть, чтобы Файола не почуяла, что их преследует тигрица. Значит, не предупредила намеренно? А вдруг Файола специально заманила Кари в пустынный тупик, в то время как та была слишком погружена в разговор и не замечала происходящего. Элементарная ошибка, которую можно простить новичку, но не опытному бойцу! Кари слишком доверилась Файоле.

Файола сделала шаг вперед и подняла руку, загородив Кари собой.

– Здесь речь не о тебе, – шепнула она.

Не о Кари, а о тигрице, которая бесшумно скользила все ближе и от рыка которой у Кари переворачивались все внутренности.

– Мне надо с тобой поговорить, – громко сказала Файола, обращаясь к оборотню. – И я знаю, ты была бы рада растерзать меня на куски, но сначала хотя бы выслушай. А потом уже решай, пускать ли в ход когти.

Рычание тигрицы превратилось в затихающее урчание, когда Файола медленно опустила руку.

– Прошу тебя, – произнесла она, смиренно склоняясь.

Тигрица опустила уши. Мгновение Кари надеялась, что она примет человеческий облик и действительно даст Файоле высказаться – что уж там она хотела ей объяснить. Однако она приготовилась к прыжку. Тигрица не хотела говорить или слушать. Она несла смерть и ужас. Они мелькнули в ее зеленых глазах. Хищница жаждала мести, а еще крови и плоти. Мускулистое тело, легко спружинив, устремилось вверх. Тигрица выпустила когти.

Файола издала крик, Кари отшатнулась. Они были слишком заторможенные, несопоставимо медленнее могучего зверя, летящего по воздуху как бог мщения. Внезапно его рык превратился в крик. Тигрица метнулась в сторону и рухнула, не долетев до Файолы расстояние в две ладони. Уши дернулись, словно в предсмертной судороге, безвольно опустился хвост – в боку торчал клинок.

4

Почему он ничего не сказал?

Зора

В кабинете Чун Хуа Зора первым делом осмотрелась. Стеллаж с рядами баночек и флаконов, полных трав, камней и снадобий, занимал все место вдоль стены. На другой стороне кабинета для проведения сеансов терапии была установлена кушетка. Зора предполагала, что кушетка могла понадобиться для тех немногих пациентов, которые предпочитали традиционные микстуры и снадобья лечению при помощи черной магии на крови. Рядом стоял манекен, который, вероятно, служил вешалкой для фолиара. Кабинет напоминал Зоре ее собственный – вернее, то пространство, которое они с мамой Лакуар отвели под проведение ритуалов исцеления в городе Крепостная Стена. И что примечательно: всего три недели тому назад Зора сама проводила ритуал исцеления, а теперь как будто ее жизнь разделилась на до и после, а между ними лежали десятилетия.

Чун Хуа вошла и закрыла за собой дверь. Прежде чем снять маску, она кое-как вытерла окровавленные руки. Маска скрывала поразительно юное лицо. Если бы Зора с Люсьеном не знали наверняка, что она была ровесницей бабушки Люсьена, то не дали бы ей больше тридцати лет. Зора сра-

зу заподозрила, что Чун использовала жизненную эссенцию или другую магическую энергию для собственного омоложения, как это делала и мама Лакуар.

– Значит, ты ее внук, – пробормотала Чун, переведя взгляд на Люсьена. – Вот уж я не думала, что когда-нибудь познакомлюсь с тобой. Особенно после того, как Селин так внезапно покинула наш храм.

Селин. Только теперь Зора сообразила, что никогда не спрашивала у Люсьена, как зовут его бабушку. Для него она была просто бабушка. И для Зоры также.

– Раздевайся, – велела Чун Люсьену, не глядя на него и сосредоточенно увешивая манекен вещами: сначала повесила парик, потом маску. Аккуратно подколотые невидимками волосы были черные как смоль, без единого седого волоска. Еще один признак наколдованной юности.

Заметив, что Люсьен колеблется, она повернулась к нему и приободрила:

– Раз уж ты здесь, давай проведем ритуал исцеления. Вылечить тебя я не смогу, но хотя бы облегчу боль.

– Не беспокойтесь, – попыталась ее остановить Зора.

Чун улыбнулась:

– Полагаю, ты целительница. Тебе он обязан тем, что еще дышит. Не смотри так удивленно, мы, ведьмы, всегда узнаем своих. Да что я тебе объясняю, ты знаешь это лучше меня. – При этом она вызывающе подняла бровь. – Должна признаться, твой уровень владения магией впечатляет. Исцелить

зильфуровые вены невозможно, но ты боролась с болезнью великолепно! Тем не менее мне бы хотелось хоть немного смягчить боль твоего друга. Тогда я вернулась бы к работе с чистой совестью, сделав вид, что заставила моих пациентов ждать приема не только для того, чтобы утолить любопытство.

– Но пока что у него нигде не болит, – вскрикнула Зора.

– Ты действительно так думаешь или только хотела бы в это верить? – уточнила Чун, снова изогнув бровь.

Зора открыла рот, чтобы возразить, но тут же закрыла, бросив взгляд на виноватую мину Люсьена. Богини мои, неужели он это всерьез? Люсьен опять поерзал на кушетке, но потом нехотя стянул худи. Это значило, что боли у него действительно были и... разумеется... разумеется, у него были боли! Зильфуровые вены, должно быть, уже глубоко вгрызлись в его внутренние органы. Серебро покрывало почти все тело. Совершенно невозможно, чтобы при такой картине он не испытывал боли. Зоре следовало бы постоянно помнить о его болезни, но ее голова была забита другими вопросами. А Люсьен, полный идиот, молчал и терпел! Почему он ей ничего не сказал? А почему она его не спросила?

Чун сосредоточилась, положила ладонь на грудь Люсьена и закрыла глаза, настраиваясь на его сердцебиение.

– Нормальное сердце не выдержало бы такую атаку серебра. Оно уже давно должно было перестать биться. Но твое сердце сильное, – определила она, потом медленно перенес-

ла пальцы на ключицы Люсьена, пробежалась ими по плечам, провела по тонким линиям букв, которые складывались в слова истории жизни Наэля.

Увидев пальцы Чун на коже Люсьена, Зора внутренне сжалась. Ей пришлось взять себя в руки, она даже прикусила губу, стараясь не вмешиваться в ритуал Чун. Целительница исполняла всего лишь свою работу... Зора это осознавала, но ей неприятно было это видеть. Потому что только она могла читать и осязать буквы, запечатлевшие воспоминания о Наэле. Она тяжело вздохнула. Зора никогда не ревновала, и теперь, кажется, не время начинать.

– Вообще-то, мы надеялись, что ты нам скажешь, где находится это место. – Зора подняла повыше фотографию бабушки Люсьена, стоящей перед храмом.

– Понятия не имею, где это, – ответила Чун, даже не приглядываясь. – Магия, которая поддерживает в тебе жизнь, очень сильна, – продолжила она, повернувшись к Люсьену. Потом подошла к стеллажу, взяла тигель с красноватым содержимым. – Я всегда знала, что *он* был другим.

– Он? – спросила Зора, когда Чун вернулась к Люсьену и велела ему сесть на кушетку.

– Мужчина, из-за которого Селин покинула Нефритовый храм. Подозреваю, он стал твоим дедом. Ты на него похож, – объяснила она и открыла сосуд. – Вот это должно приглушить твою боль. – Она сунула ступку в лицо Люсьену.

Тот наморщил нос:

– Что это? Пахнет, как...

– Кровь, – кивнула Чун. Зора ничего не унюхала. Обостренное обоняние Люсьена действительно впечатляло. – Это смесь из крови, костной пыли и некоторых трав, ингредиенты заговоренные, смешанные при помощи исцеляющего заклинания, – продолжила Чун. – Мазь приготовлена по моему собственному рецепту, это проверенное болеутоляющее.

Она обмакнула пальцы в вязкую жижу и принялась втирать в грудь и живот Люсьена. Тот с отвращением скривился.

– А можно спросить, что стало с Селин? Раз, вместо того чтобы лечиться у бабушки, ты пришел ко мне, значит ее больше нет среди живых, – сделала вывод целительница.

Люсьен тяжело сглотнул. Ему потребовалось некоторое время, чтобы ответить. А Зора молчала. Она, конечно, могла бы снять с него груз и избавить от необходимости отвечать, но считала, что ей не полагается рассказывать о Селин в присутствии Люсьена. В любящем сердце сохранилось куда больше теплых воспоминаний о ней.

– Бабушка умерла две недели назад. При помощи целебного камня и древних заклинаний она перевела мою болезнь на себя. Мне, конечно, ничего не объяснила. Я думал, она к старости ослабла и заболела. – И он снова сглотнул. – Но маги «Горящей лилии» разбираться не стали: бабушку отправили в солярий и забрали энергию – фактически убили.

Колдунья понимающе кивнула:

– Соболезную твоей утрате. Простите меня за резкость, но я скажу, что такое поведение ей присуще, да, очень на нее похоже. Селин всегда была готова принести себя в жертву ради семьи, дорогих и близких ей людей. Она была одним из самых одаренных магов, каких я знала. Талантливая целительница – куда лучше, чем я, и гораздо скромнее. Мы, ее товарищи по учебе, были убеждены, что со временем она возглавит службу магов в Нефритовом храме. Я и теперь думаю, что она бы справилась с обязанностями верховной колдуньи, если бы вдруг однажды не покинула храм. А встань она во главе темных колдуний, как знать, может, орден существовал бы и поныне. – Чун со вздохом подняла голову. – Я не могу вам показать на карте место, которое вы ищете. Но если хотите, расскажу, что произошло с Селин много лет назад.

Она сказала это таким тоном, будто считала, что *случившееся* имело отношение к тому, что творилось с Люсьеном сегодня. Зора наклонила голову в знак согласия. Люсьен, наверное, тоже об этом подумал или, может, просто тосковал по любимой бабушке и хотел узнать о ее жизни то, чего она сама больше ему открыть не могла. Он с энтузиазмом закивал.

Чун велела ему повернуться, чтобы ей было удобнее обрабатывать его спину мазью.

– Так легче? – спросила она, и Люсьен хмыкнул.

И снова Зора почувствовала укол ревности. Уж она-то са-

ма могла при помощи магии смягчить его боли. Если бы этот упрямый осел хоть раз поморщился от боли или хотя бы ойкнул!

– Селин жила ради магии. Она очень серьезно относилась к обучению, вечно шелестела страницами, – продолжала Чун. – Была очень замкнутой, почти не интересовалась миром, существующим за пределами храма. Но все изменилось, когда однажды в храм явился иностранец. Он приехал из Турмалина, несколько лет провел в развалинах Арамиса, где искал снадобья и заклинания древней утраченной магии. По крайней мере, так он рассказывал. Видный такой был парень, обаятельный. – Она повернулась к Люсьену. – Загорелая кожа и светлые волосы, а эти его полные губы, от них потеряли голову большинство наших сестер. Он явился к нам за исцелением. Догадываешься, от какого недуга?

– От зильфуровых вен, – тотчас ответил Люсьен.

Чун Хуа махнула рукой в знак согласия.

– Наши целительницы сразу ответили честно: он никогда не выздоровеет. Но все-таки предложили ему остаться, чтобы смягчить симптомы. Твоя бабушка тоже хлопотала вокруг него. Наставницы решили, что она единственная из послушниц сможет сосредоточиться на лечении, вместо того чтобы постоянно хихикать в присутствии парня.

– А она влюбилась в него по уши, – сделала вывод Зора.

– По крайней мере, так это выглядело со стороны. Мы с Селин не были близкими подругами, но тут и без призна-

ний все было понятно. Она пропадала с парнем в библиотеке часами. Его звали Гидеон. Они были совсем разные, – луна и солнце более похожи, чем эти двое. Единственное, что их связывало, – это неумный интерес к магии. Хотя Гидеон не обладал магическими способностями, он погрузился в изучение наших книг. Он хотел нутром почувствовать магию, узнать, где ее истоки, какова природа взаимосвязи магических частиц. Может, как раз его ненасытная жажда знаний и привлекла Селин. Почему сошлись эти двое, мы можем гадать до бесконечности, доподлинно известно лишь, что через месяц после прибытия Гидеона в Нефритовый храм они с Селин вдруг объявили, что отправляются за лекарством на север Бухты Магнолия. Конечно, они выдавали желаемое за действительное! Утешали друг друга тщетными надеждами. Мы все были удивлены, а может, даже разочарованы тем, что именно Селин свернула со своего пути и пожертвовала собственным призванием, отправившись воплощать в жизнь абсолютно нереалистичную идею.

Грудь, спина и руки Люсьена были полностью умащены красной мазью, когда рассказ подошел к концу. Чун Хуа поднесла ладони к его лицу, но он отшатнулся.

– Простите, запах крови прямо сшибает, – закашлялся Люсьен, извиняясь.

– Ну хорошо. Тогда сними, пожалуйста, брюки. Подозреваю, что серебро не заканчивается выше пояса.

В ответ Люсьен лишь издал протяжное «эм-м-м», на что

колдунья возразила:

– Только давай обойдемся без ложного стыда и ужимок. Каждый день передо мной мелькают обнаженные тела мужчин и женщин – поверь, мне без разницы. Вижу плоть – не более того. Предполагаю, что твоя подруга уже видела все, что ты прячешь в штанах.

Вот тут она попала в самое яблочко...

Только когда Люсьен снял брюки, Чун Хуа продолжила рассказ:

– Спустя три недели эта парочка вернулась в Нефритовый храм. Гидеон был здоров, а Селин на сносях.

Сердце Зоры так и подпрыгнуло. Вот он! След! Тонкая ниточка, за которую она схватится и начнет раскручивать эту историю. То, что Гидеон исцелился, означает, что лекарство существует. Бабушка Люсьена разузнала, где это лечение найти!

– Что значит «на сносях»? – буркнул Люсьен.

– У Селин был круглый живот, полный жизни. Ребенок уже подрос и отличался сильным сердцем, в точности таким, как у тебя.

– Но тогда... Гидеон не мог быть его отцом, – заключила Зора.

– Я тоже так думала, – согласилась Чун. – Но Селин и Гидеон были твердо убеждены в обратном.

– Но это же... – Зора хотела сказать «невозможно», однако Чун ее перебила.

– Дитя мое, мне ли тебе объяснять, что в этом сложном деле была замешана магия. Хотя я и не знаю какая.

– Та же, что избавила от болезни Гидеона, – предположил Люсьен явно быстрее, чем Зора, включившись в игру в детективов.

Чун отступила на шаг и оглядывала завершенную работу: обмазанный с головы до ног кроваво-костной мазью Люсьен выглядел как бальзамированная мумия. Кажется, Чун была довольна произведенным эффектом, потому что удовлетворенно кивнула и скомандовала:

– Можешь одеваться.

Люсьен выпучил глаза:

– Разве мне не нужно сперва смыть эту гадость?

– Мазь должна впитываться в кожу как минимум час, только тогда мы получим необходимый результат. Простым целебным снадобьям, чтобы подействовать, требуется время. В отличие от рецептов кровавой магии, – ответила Чун.

Люсьен жалобно посмотрел на Зору, но та лишь пожала плечами. К сожалению, Чун сказала правду. Как бы Люсьену ни было неприятно вдыхать запах крови или натягивать поверх мази более или менее чистую одежду, он смирился. Но сделал он это с присущим ему недовольным видом.

– И что же потом? – поинтересовалась Зора.

Услышав нетерпеливые нотки в голосе Зоры, Чун понимающе улыбнулась.

– Селин родила ребенка в Нефритовом храме. Здорового

мальчика, которого она назвала Ругоном.

– Отца Люсьена! – воскликнула Зора.

Она была счастлива. По крайней мере какое-то время. Но через несколько дней после рождения ребенка между ними словно пробежала черная кошка. Хрупкое согласие, существовавшее между нею и Гидеоном, кажется, было нарушено. Все чаще я слышала, как они ссорились. Селин не доверяла ни мне, ни кому-либо из других целительниц. Из обрывков их ссор я смогла понять, что Гидеон был убежден: ребенок должен обладать магическими способностями или уметь обращаться. А Селин с ним спорила. Я присутствовала при распределении. Наши наставницы проверяли мальчика на наличие магического потенциала. Они не смогли добиться ни малейшей искры.

– У моего отца действительно нет магических способностей, – подтвердил Люсьен.

– Совершенно верно. Селин настаивала на этом, но Гидеон, похоже, отказывался ей верить. Однажды я даже услышала, как он в сердцах кричал, что она ему врет. Он думал, что она скрывает от него магию ребенка. Его ярость была такой сильной, такой ощутимой, что мне стало страшно за Селин. Когда я заговорила с ней об этом, она заверила меня, что все в порядке. Но по глазам я видела, что это неправда. Селин тоже места себе не находила. Через два дня она исчезла. Покинула храм, не простившись, не оставив никакого сообщения. Никто не знал, куда она ушла. Гидеон терялся в догад-

ках. — Чун вздохнула. — Я всегда думала, что она скроется: уедет на континент, как можно дальше от Бухты Магнолия. Сегодня вы появились на пороге как гром среди ясного неба. Оказывается, все это время Селин была совсем недалеко!

В голосе Чун Хуа чувствовался надрыв. Потеря давней подруги далась ей тяжело. Все эти годы они провели в разлуке. А ведь могли бы найти друг друга и снова начать общаться. Но теперь было уже поздно.

Точно так же и Зоре было поздно спасать брата. Мысль об утрате Наэля причиняла ей физическую боль. Она даже не помнила его лица и не могла погоревать от души, выплакать свое горе. Зора набрала в легкие воздуха и, тряхнув головой, словно так можно было прогнать безрадостные мысли, спросила:

— А что стало с Гидеоном после ухода Селин?

— Несколько дней он оставался в храме, явно ожидая, что Селин вернется. А потом исчез. Так же безмолвно, так же не простившись, ускользнул из храма. С тех пор я ничего о нем не слышала.

Куда же он уехал? Бросился на поиски бабушки Люсьена? Она пряталась от него в глуши все эти годы? Так вот почему она не общалась с подругами из Нефритового храма? Чтобы Гидеон ее не нашел?

Может быть. Что толку гадать? Все равно мы можем быть уверены только в одном: Ругон де Лакур и его жена Амалия годы спустя учредили компанию «Медикаль де Лакур».

Фармацевтическая компания за десятилетия стала крупным концерном Бухты Магнолия, вошла в холдинг, а фамилия де Лакур красуется на многочисленных магазинах и предприятиях, расположенных на островах. Кого ни спроси, все знали в лицо основателя компании господина Ругона де Лакура. Если бабушка Люсьена действительно хотела спрятаться, она должна была бы препятствовать коммерческому успеху сына.

– И что теперь? – спросил Люсьен, одевшись.

Простой короткий вопрос чудесным образом помог Зоре собраться с мыслями. Да. Какой план? Допустим, они собрали информацию. Но какую пользу из нее можно извлечь, понятия не имели.

Чун тяжело вздохнула. Она плотнее затянула на себе фоллиар и надела парик – явно готовилась принять следующего пациента, и это означало, что разговор, по ее мнению, был закончен.

– Как думаете, где может скрываться Гидеон? – спросила Зора. После смерти бабушки Люсьена его дед был единственным, кто знал, что тогда произошло на самом деле.

Чун отрицательно помотала головой:

– Нет, я рассказала все, что знала. Могу поделиться своей догадкой. – У Зоры и Люсьена никаких догадок не было, так что они были благодарны. Чун была их последней надеждой. Все остальные следы терялись в песке времени. – Вообще-то, вы не так уж и хотите найти Гидеона. Единственное, что вам

нужно, — это лечение, значит, вы должны искать источник, как Селин и Гидеон, и повторить их путь — они тогда подались на север Бухты Магнолия. А кто у нас контролирует север?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.